

М. Н. КУЗНЕЦОВА (Тарту)

ОБ ОДНОМ ТАБУИСТИЧЕСКОМ ЗООНИМЕ В МАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В системе народных названий животных выделяется значительное количество зоонимов, связанных с разного рода запретами — табу. Определенные слова в определенных ситуациях употреблять запрещалось из-за различных верований, суеверий и предрассудков. По мнению Д. К. Зеленина, охотничьи запреты возникли еще в доанимистическую эпоху. Наименования промысловых зверей, особенно более крупных и ценных, не произносились с тем, чтоб «не отпугнуть их и скрыть намерения охотника» (1929 : 7). Психологической предпосылкой табу, как считает А.-Р. Хаузенберг, было антропоморфическое представление человека, будто звери понимают человеческую речь и слышат не только то, о чем охотник беседует в лесу, но и то, что он говорит дома, собираясь на охоту (1972 : 196).

Будучи табуистическим по происхождению, мар. *маска* 'медведь' вызывал и вызывает самый большой интерес. Не только в родственных финно-угорских языках, но и в большинстве индоевропейских не сохранилось никаких следов древнего названия этого зверя. Вместо него употребляются всевозможные «смягченные» выражения или эвфемизмы. Табуистическое происхождение данного зоонима связано с культом медведя, существовавшим у финно-угорских народов издавна. В Приобье, например, культ медведя существовал вплоть до конца XIX века (Троицкая 1963 : 60—65). Вообще, он имел широкое географическое распространение, «охватывал Скандинавию и Кольский полуостров, Северо-Восточную Европу, всю таежную Сибирь, Амурский край и таежную зону Северной Америки» (Васильев 1948 : 78). На территории Марийского Поволжья культ медведя является одним из наиболее древних.

То, что медведь занимал значительное место в промыслах древнейшего населения Марийского края, подтверждают археологические данные. Так, на III Удельно-Шумецкой стоянке среди определенных костей 90% принадлежали медведю. В других памятниках их меньше, но в процентном отношении все-таки много, например, на II Ахмыловской стоянке — 25% (Петренко 1984 : 150).

Для первобытного человека медведь представлял собой самого грозного животного, царя лесов. Он был страшен своей силой, поражал тем, что становился на задние лапы, чего не могут делать другие животные, и этим, как и своей хитростью, напоминал человека. Во внешнем виде, в движениях, действиях, образе жизни медведя действительно имеется много человеческих черт. Он обладает удивительно

тонким чутьем и даже умеет свистеть. Среди финно-угров саамы, мордва, удмурты, эстонцы приписывали медведю человеческое происхождение, а обские угры считали его происшедшим от бога. Марийцы верили, что медведь понимает человеческую речь и так же умен, как человек, сердится, когда про него плохо говорят. Даже после смерти медведь может отомстить человеку, поэтому после убийства его охотники спешили съесть сердце медведя еще теплым, чтобы получить медвежью силу (Holmberg 1926 : 57—58). Медведь в представлениях марийцев был предком людей, осуществлявшим покровительство в семейно-брачных отношениях. Считалось, что он не нападает на беременную женщину, особенно, если она ждет девочку. До сих пор существует поверье: если приснится медведь, предстоит встреча с родственниками.

Из всех эвфемизмов, существующих в финно-угорских языках для определения медведя, на первый план выступают лексемы со значением 'зверь', 'старик', 'дедушка', 'мужчина'. В мансийском языке Д. В. Герасимова приводит 15 выражений для характеристики медведя (1983 : 29—32). В марийском языке, кроме ставших литературной нормой названий *маска* и *мёска* с их фонетическими вариантами *меска*, *мăскă*, *маська*, *майська*, имеются такие подставные имена, как *чодра оза* 'хозяин леса', *кугу янлык* 'большой зверь', *торешчапа*, *Торешйол* 'косолапый', *чодра патыр* 'лесной богатырь', *лопка йолаш* 'широкие штаны', *Торешйол йолташ* 'косолапый друг' и др.

На основе вышеизложенного можно сделать вывод, что большинство народов относилось к медведю, как к существу, равному и родственному человеку: в основном он сравнивается со стариком. Немаловажно и то, что эвфемизмы в своей морфологической структуре имеют деминутивный суффикс. Суффиксы с уменьшительным значением вообще характерны при номинации животных (см. Хаузенберг 1972 : 172—179). А ласково-почтительная манера обращения к животному у наших предков имела своей целью задобрить их, установить добрососедские отношения, снискать их расположение. Автор данной статьи полагает, что два факта: признание древними людьми медведя родственным человеку существом и уменьшительно-ласкательное обращение к нему — могли лечь в основу эвфемизмов и в марийском языке.

Происхождение марийского названия *маска* 'медведь' имеет несколько своеобразных толкований.

Общепринятым считается, что данный зооним заимствован из русского языка. Уже Д. К. Зеленин сравнивал его с рус. *мишка*. Позднее эту точку зрения развил Г. Берецки (Bereczki 1968 : 73). Несмотря на то что для марийского языка характерен переход русского $s > \xi$, ср. *росомаха* — *рошамак*, он считает возможным и обратное явление. В качестве доказательства Г. Берецки приводит еще одно русское слово с подобным звукопереходом и полагает, что слова заимствованы у русского населения приблизительно после XVI века. Напрашивается вопрос: какое же тогда название медведя было у марийцев до XVI в.? Если оно существовало, значит, было вытеснено из активного словаря так, что во всех рукописных источниках сохранился только данный вариант? Поэтому этимология, предложенная Г. Берецки, не очень убедительна. Известно, что слово *мишка* по происхождению тоже табуистическое и более позднее.

Несколько иную трактовку появления зоонима в марийском языке дают И. Эрдьёди (Erdödi 1958 : 29—39) и Б. А. Ларин. Они выводят его не непосредственно от рус. *мишка*, а от болгарского *мечка* 'медведица', *мече* 'медвежонок', серб. *мечак* 'медведь', *мёче* 'медвежонок',

мёчка 'медведь, медведица'. По Б. А. Ларину, *мечка* — «фонетическая деформация (возможно, намеренная, как это часто наблюдается в словах, создаваемых по запретам табу) более древнего *мешька*, за-свидетельствованного в нашей древней письменности. Эта форма и дала: *мишка*, *дядя Миша*. Этой же древнерусской форме соответствует марийское *maska* и литовское *meška* 'медведь, медведица'» (1961 : 118). На основании марийского заимствования он допускает наличие формы **меська* в древнерусском языке. Но можно предположить и обратное, что мар. *maska* в свою очередь послужило основой для рус. *мешька* или *меська*, так как в пограничных с марийской территорией районах русское население еще в XIX веке называло медведя *маська*.

Интересную мысль о происхождении марийского термина высказал Дь. Дечи. По его мнению, *maska* могло развиваться от христианского имени *Mattheus*, *Matthias* или *Mark* (фин. *Maaska/Masko*) «на основе замечательной коллекции апеллятивов антропонимов, обозначающих животных» (Décsy 1987 : 122).

Среди марийских лингвистов на этимологии зоонима *maska* никто специально не останавливался. И. С. Галкин наиболее вероятным считает следующий путь развития данного слова. В марийский язык оно попало от коми *mösk(a)* 'корова', общепермский архетип **mesk* 'самка, телка' (КЭСК 176). Слово иранского происхождения, ср. мунджанские *māškāyū*, *meškāyū* и т. д. 'теленки, телка до двух лет'. Такой точки зрения придерживается и А.-Р. Хаузенберг (1972 : 71). Б. А. Серебренников считает более целесообразным сопоставить коми *möc(k)* - 'корова' с греч. *μοσχός* 'молодой теленок' при армянском соответствии *tozi* 'теленки'. Эти слова имеют праформу **mozghos* 'молодой вол, бык'. Из пермских народов более архаичное слово сохранили удмурты, ср. *мес* 'молодая корова' (1963 : 38). Известно, что при заимствовании названий опасных и табуизированных животных из других языков — что везде является общераспространенным — их значение может сильно изменяться. Поэтому вполне возможно, что марийцы в качестве табуистического наименования медведя переняли слово у своих соседей.

Выше уже подчеркивалось, что по данным мифологии медведь у большинства финно-угорских народов, в том числе и у марийцев, считался родственным человеку существом, вернее существом, происшедшим от человека. Автор поэтому предполагает, что предки марийцев наверняка, подобно остальным финно-уграм, величали своего «родственника» и братом, и дедушкой, и человеком, т. е. в связи с наложением табу на этого зверя применяли подставные имена. И одно из них могло означать 'мужичок' или 'человечек'. Тогда мар. *maska* в диахроническом аспекте можно рассматривать как производное и выделить в его морфологической структуре корень *мас-*, *мөс-*, *мес-*, *мась-* и словообразовательный суффикс *-ка*. То, что в марийском языке на ранней ступени развития существовало слово **mes* 'человек, мужчина', не вызывает сомнений. Во-первых, об этом свидетельствуют данные жгонского языка и наречия, известного под названием Галивонские Алеманы, распространенных в былые времена в Ветлужско-Окском бассейне. В жгонском *мас* означает 'муж, мужик', а в Галивонских Алеманах — *мас* 'я', *маься* 'женщина'. В основе многих слов этих двух искусственных языков лежат марийские корни, переделанные на свой лад (Виноградов 1919 : 89—105). Во-вторых, данное слово сохранилось как компонент в названии марийцев *черемисы*, чув. *çar-mas*, тат. *чирмеш* и во многих топонимах на территории расселения мордвы и марийцев.

Мар. **mes* связывается с прибалтийско-финским словом в значении

'мужчина' (см. подробнее Иванов 1978 : 44—48; Казанцев 1985 : 3—11), хотя SKES II : 345 и EEW V : 1519—20 не приводят марийский вариант. Это вполне понятно, так как в современном марийском языке данное слово как отдельная самостоятельная лексема со значением 'человек' не существует. Позднее, «в силу своей внутренней формы» оно было вытеснено индоиранским заимствованием *marij* 'муж, мужчина'.

Суффиксация издавна известна как один из ведущих способов образования новых слов на базе элементов существующего языка. На наличие суффиксов *-k-* и *-ka-*, *-kä-*, выступающих параллельно и в одном значении, указывали еще Ю. Вихманн (Wichmann 1918 : 11—12), Э. Беке (Beke 1935 : 87—88), Т. Лехтисало (Lehtisalo 1936 : 364—365). По Ю. Вихманну, суффикс *-ka/-kä* образует прилагательные и существительные, уменьшительное значение которых по временам очень прозрачно, по временам затемнено. Э. Беке приравнивает его к уменьшительному суффиксу *-k-*. Он считает, что *-a/-ä* здесь является или измененной формой первоначального конечного гласного, или новым, возникшим позднее, неорганическим звуком. Т. Лехтисало возводит данный суффикс к прауральскому отыменному суффиксу существительных **-kk* с деминутивным значением, которое у слова *маска* полностью утратилось.

Значение слова с производной основой всегда определимо посредством ссылки на значение соответствующей первичной основы. В случае с *маска* непосредственно мотивирующим словом или отсылочной частью служит **mes* 'человек, мужчина'. Но при характеристике значения деривата учитывается и конкретизируемый данным производным тип связи, т. е. какой определенной формуле мотивации соответствует мотивирующее слово; является ли оно представителем словообразовательного ряда, представителем серии слов с аналогичной смысловой структурой.

В современном марийском языке словообразовательный тип с уменьшительным суффиксом *-ka* не продуктивен. Но надо полагать, что в прошлом он имел широкое распространение: *йимйъл* 'тень' — *йимйълkä* 'неясный образ чего-то'; *лаксы* 'яма' — *лаксака* 'низменность, лощина'; *кури* — *курика* 'краюшка хлеба'; *сомыл* 'надобность, дело, нужда' — *сомылка* 'дело по хозяйству'; *пүгыр* 'горб' — *пүгырика* 'бугор, возвышенность' и т. д. Значение производного *маска* — 'маленький человек, маленький мужчина'. В данном значении в качестве одного из подставных имен оно использовано для наречения медведя. Одним словом, это старый эвфемизм, нашедший повсеместное употребление и сохранившийся до наших дней.

Конечно, этимологизирование зоонима, являющегося по своему происхождению табуистическим, сопряжено с определенными трудностями; автор считает приемлемым и предложенный путь развития слова.

ЛИТЕРАТУРА

- Васильев Б. А. 1948, Медвежий праздник. — Советская этнография № 4, 78.
 Виноградов Н. Н. 1919, Жгонский язык. Условный язык Приветлужья Костромской губернии. — Известия Российской Академии наук, 1918, т. 23, кн. 1, Петроград, 89—105.
 Герасимова Д. В. 1983, Табуистические названия медведя в мансийском языке. — Вопросы лексики и грамматики языков народов Крайнего Севера СССР, Ленинград, 29—32.
 Зеленин Д. К. 1929, Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии, ч. I. Запреты на охоте и иных промыслах. — Сборник Музея антропологии и этнографии VIII, Москва.

- Иванов И. Г. 1978, Еще раз об этнониме «черемис». — Вопросы марийской ономастики, Йошкар-Ола, 44—48.
- Казанцев Д. Е. 1985, Формирование диалектов марийского языка, Йошкар-Ола.
- Ларин Б. А. 1961, Об эвфемизмах. — Проблемы языкознания, Ленинград, 110—124.
- Петренко А. Г. 1984, Древнее и средневековое животноводство Среднего Поволжья и Предуралья, Москва.
- Серебрянников Б. А. 1973, К уточнению некоторых этимологий. — СФУ IX, 35—41.
- Троицкая Т. Н. 1963, К вопросу о культе медведя в Приобье. — Известия Сибирского отделения АН СССР 9, вып. 3, Новосибирск, 60—65.
- Хаузенберг А.-Р. 1972, Названия животных в коми языке, Таллин.
- Beke, Ö. 1935, Zur Geschichte der ungarischen Wortbildung. — FUF 23, 85—93.
- Bereczki, G. 1968, Wichtigere lautgeschichtliche Lehren der russischen Lehnwörter im Tscheremissischen. — CIFU II, 70—76.
- Décsy, Gy. 1987, Etymologicon Eurasiaticum. — UAJb. 59, 117—122.
- Mägiste, J. 1982, Estnisches etymologisches Wörterbuch, Helsinki (= EEW).
- Erdödi, J. 1958, Nyelvi tabu a mariban. — NyK 60, 29—39.
- Holmberg, U. 1926, Die Religion der Tscheremissen. — FF Communications N:o 61.
- Joki, A. 1950, Eine samojedische Benennung des Bären. — MSFOu XCVIII, 149—152.
- Lehtisalo, T. 1936, Über die primären uralischen ableitungssuffixe. — MSFOu LXXXII,
- Wichmann, Y. 1913—1918, Beiträge zur tscheremissischen nominalbildungslehre. — JSFOu XXX, 1—42.

М. Н. КУЗНЕЦОВА (Tartu)

BETRACHTUNGEN ZUM TABU EINES MARISCHEN TIERNAMENS

Der Artikel befaßt sich mit der Etymologie des marischen Wortes *maska* 'Bär'.

Dieser Tiername weist in allen finnisch-ugrischen Sprachen ein Tabu auf, das mit dem Bärenkultus im Zusammenhang steht. Viele Sprachforscher vergleichen es mit russ. *мишка* 'Bär' (D. K. Zelenin, G. Bereczki) oder mit bulg. *мечка* 'Bär' (J. Erdödi, B. Larin).

Die Autorin ist der Meinung, daß es sich bei mar. *maska* um einen alten Euphemismus handelt, dessen Bedeutung 'Männchen, kleiner Mann' ist. Die Grundlage für diese Annahme ist folkloristisches und sprachliches Material aus anderen finnisch-ugrischen und samojedischen Sprachen.